

Раньше Ли Жун редко соперничал окружающим. По сравнению со своими бесконечно добрыми и милосердными родителями, он казался себе куда более хладнокровным. Вероятно, дело было в том, что его собственная жизнь до поры до времени текла слишком гладко и безмятежно — лишь пройдя через череду тяжелых испытаний, он научился по-настоящему понимать чужую боль.

До дня рождения Цэнь Сяо оставалась неделя, но у Ли Жуну пока не было ни одной стоящей идеи.

Их спонтанное собрание не могло длиться долго, иначе начальник группы Цэнь заподозрил бы неладное. Староста махнул рукой Линь Циню и Цзянь Фу, велел им поскорее возвращаться в класс. Сам он, уже зачисленный в университет по программе «Выдающиеся таланты», наслаждался завидной свободой: учителя закрывали глаза на его отсутствие, даже если он вовсе не являлся на уроки.

Достав телефон, юноша отправил Цэнь Сяо короткое сообщение:

«Загляну ненадолго в Университет А»

Ответ пришел почти мгновенно:

«Хорошо»

Его визит в кампус выглядел вполне логичным и обоснованным, так что Цэнь Сяо вряд ли догадался бы об их тайном совещании. Ли Жун не знал всех тонкостей семейных отношений в доме Цэнь, а Линь Цинь и Цзянь Фу в силу возраста и отсутствия жизненного опыта вряд ли могли предложить действительно дельное решение. Ли Жуну нужно было поговорить с кем-то постарше.

Он вспомнил о Сюй Танхуэй.

Тётя Хуэй так и не ответила на его последнее сообщение. Они всегда были крайне осторожны: при встречах обсуждали темы, связанные с Ли Цинли, но в переписке старались не оставлять никаких следов. Поначалу юноша не придавал этому значения.

Добравшись на такси до площади перед Университетом А, он надел маску. Народу здесь заметно прибавилось: с наступлением тепла площадь вновь стала излюбленным местом прогулок для местных жителей.

Однако, подойдя к привычному месту, Ли Жун не обнаружил и следа Сюй Танхуэй.

Он остановился поодаль, слегка прищурившись; губы под маской плотно сжались. В это время тётя Хуэй просто не могла не выйти торговать. Он занес палец над кнопкой вызова, намереваясь позвонить ей, но долго медлил и в итоге так и не нажал. Если телефон включен, не было причин игнорировать сообщения.

Разве что она физически не могла ответить.

Впервые Ли Жун с такой остротой ощутил, насколько хрупки человеческие связи. Кроме мобильного номера и этой точки на площади, у него не было никакой возможности связаться с Сюй Танхуэй. Он даже не знал, где она живет, есть ли у неё семья, замужем ли она и есть ли у неё дети.

Староста опустил руку с телефоном и застыл, отрешенно глядя на пустой участок земли. Из-за того, что тележка тёти Хуэй годами стояла в одном и том же месте, плитка здесь казалась чуть чище, чем вокруг. Несмотря на то что площадь кишела людьми, это пустующее пространство вызывало у Ли Жунна щемящее чувство потери.

С прошлой жизни и до нынешних дней её знакомый голос и доброе лицо, казалось, навечно отпечатались в его памяти.

Он сделал еще пару шагов вперед, когда мимо него, радостно визжа, пронеслась маленькая девочка и нечаянно задела его руку. Малышка покачнулась, её улыбка мгновенно погасла, и она робко взглянула на незнакомца.

Тот очнулся от своих мыслей и ласково прищурился, глядя на неё сверху вниз. В ту же секунду он услышал чей-то голос с характерным сельским акцентом:

— Суйсуй, быстро иди сюда! Не бегай где попало!

Девочка сглотнула и захлопала глазами. Ей было неловко извиняться, хотя она и понимала, что виновата. Услышав зов матери, она помедлила, беззвучно шевеля губами, но так и не решилась выдать «простите». В конце концов, она просто развернулась и со всех ног бросилась прочь.

Ли Жун проследил за ней взглядом. Её мать тоже торговала на площади. Её товар был куда практичнее вещей тёти Хуэй: в основном брелоки, чехлы для телефонов и прочие мелочи, которые люди часто меняют. Ли Жун направился к ним.

Заметив, что он идет следом, девочка решила, что он хочет её отругать, и испуганно спряталась в объятиях матери, настороженно поглядывая на него. Продавщица же оказалась простой и радушной.

— Она тебя задела, да? — спросила она, наклонившись к дочке. — Почему не извинилась перед

братиком?

Суйсуй лишь высунула кончик языка и, извернувшись, застенчиво уткнулась лицом в грудь матери.

У Ли Жуна были удивительно красивые глаза, от которых трудно было отвести взгляд. Стоило ему заговорить мягко и с улыбкой, как незнакомые люди невольно проникались к нему симпатией — в последние месяцы он часто пользовался этим «эффектом», доставшимся ему от родителей.

Юноша немного спустил маску и спросил:

— С ней всё в порядке? Она не ушиблась?

Собеседница замахала руками, встретившись с ним взглядом, и весело ответила:

— Да она у меня крепкая, не волнуйтесь! Гляжу, у вас чехла на телефоне нет, может, выберете какой? Я подарю.

На самом деле, торгуя здесь годами, она редко проявляла излишнее радушие. Однообразие и скука будней обычно притупляют эмоции, заставляя пребывать в состоянии некоего холодного оцепенения. Но внешность парня была по-настоящему эффектной; женщине даже на миг показалось, что перед ней какой-то популярный блогер или знаменитость. Увидеть такое приятное лицо посреди серой рутинной жизни было своего рода отдушиной.

Ли Жун присел на корточки, взял один из чехлов и, примеряя его к своему телефону, как бы невзначай спросил:

— Некоторое время назад я купил здесь шарф, но он быстро начал распускаться по швам. Вы не знаете, куда делась та женщина, что их продавала?

Женщина на мгновение замерла, глядя на пустующее место, и спустя несколько секунд негромко произнесла:

— Вы про сестру Хуэй? У неё кто-то из родни в деревне заболел, она сказала, что уедет на время, присмотрит за ними, а как освободится — вернется. А что... с шарфом всё совсем плохо? Если хотите, я могу подправить, это несложно.

— Уехала в деревню? — тихо повторил Ли Жун.

Он почувствовал облегчение. Положив чехол на место, он ощутил, как с сердца спал груз. Вероятно, он просто слишком разнервничался и начал видеть врагов там, где их нет. Суй

Танхуэй не одинока, у неё наверняка есть близкие. Болезнь родственника — веская причина для отъезда. Он и сам лежал в больнице и знал, как выматывает уход за больным; в таком состоянии вполне естественно не иметь сил на ответы в сообщениях. Когда тётя Хуэй вернется, он обо всём её расспросит.

Ли Жун поднялся, опираясь руками на колени.

— Тогда не стоит беспокоиться. Всё равно шарф мне сейчас уже не нужен.

Женщина мягко улыбнулась:

— Хорошо, как знаете.

Неделя пролетела незаметно, и наконец наступило двадцать первое апреля.

По иронии судьбы, именно в этот день закрылся прием заявок в Девятый район «Ланьшу». Сам экзамен был назначен на июль — первый месяц после окончания школы.

Этот день, как и просил Цзянь Фу, все старались провести так, будто не происходило ничего особенного.

Линь Цинь, прошедший собеседование в киноакадемию, последние месяцы был поглощен бешеной подготовкой к экзаменам по общеобразовательным предметам. С его нынешними успехами он наверняка преодолел бы проходной балл, но конкуренция в киноиндустрии была беспощадной — борьба начиналась с самого момента поступления.

У Линь Циня не было связей в этой среде, в то время как среди его будущих однокурсников было несколько довольно известных детей-актеров. С самого начала творческих испытаний пресса следила за каждым их шагом, публикуя отчеты и продвигая их имена в топы новостей. Для Линь Циня единственным верным способом выделиться было занять первое место в рейтинге абитуриентов. Лучшим выпускникам года всегда уделяли особое внимание и прочили большое будущее; если всё пойдет удачно, уже летом он мог получить первые контракты на съемки в рекламе.

Цзянь Фу вальяжно подошел к столу Цэнь Сяо и, бесцеремонно выставив сидевшего перед ним полноватого паренька, по-хозяйски уселся на его стул задом наперед.

— Брат, как насчет того, чтобы сегодня всю ночь рубиться в приставку? Я раздобыл пару новых дисков, заграничных, — он заговорщицки подмигнул другу, оживленно жестикулируя.

Цэнь Сяо понимал, что тот пытается отвлечь его. Хотя в этот день он неизменно избегал возвращения домой, он давно перестал быть тем ребенком, который умел только прятаться. К играм он сейчас был совершенно равнодушен и уже собирался вежливо отказать, когда Ли Жун невозмутимо произнес:

— Он не пойдет. Вечером я приглашаю его на праздничный ужин.

Цэнь Сяо осекся и бросил на старосту многозначительный взгляд. В голове Цзянь Фу взвыла сирена тревоги, и он принялся отчаянно подавать другу знаки. Он же ясно сказал: брат терпеть не может свой день рождения! Наверняка Ли Жун тогда просто витал в облаках и пропустил всё мимо ушей.

Сам же Цэнь Сяо остался предельно спокоен. Он поднял глаза на Ли Жуна и спросил:

— И чем же ты собираешься меня угощать?

Он прекрасно помнил, какой сегодня день, и догадывался, что Ли Жун что-то задумал. Честно говоря, он не ждал от этой даты никаких чудес. Каждое мгновение этого дня из года в год всплывало перед глазами с пугающей четкостью. Хотя он давно перестал бояться Цэнь Цина и Сяо Мужань, то удушливое, гнетущее чувство, поселившееся в его душе, казалось, превратилось в часть его личности, заставляя всем сердцем ненавидеть этот праздник.

Однако отказать парню он не мог.

Ли Жун посмотрел на него в ответ и, таинственно улыбнувшись, произнес:

— Угадай.

Цзянь Фу от избытка чувств тайком пнул Ли Жуна под столом.

— Кхм, да какой там ужин! Таких дисков, как у меня, вообще не достать, это уникальный шанс! — он из последних сил намекал старосте, чтобы тот не вздумал устраивать никаких сюрпризов. Цэнь Сяо был не из тех, кто ценит подобные жесты.

Тот, слегка скрипнув зубами, наклонился и демонстративно отряхнул брючину в том месте, куда пришелся удар, после чего ответил Цзянь Фу:

— Играй сам. А он идет со мной.

Цзянь Фу в отчаянии повернулся к другу:

— Брат?

Цэнь Сяо глубоко вздохнул, подавляя волну нахлынувшего раздражения и смутной тревоги.

— Мне неинтересны игры. Развлекайся без меня.

Цзянь Фу лишился дара речи. Позже он подсчитал, что в момент отказа его сердце пребывало в состоянии глубокого траура не менее трех секунд. Многолетняя мужская дружба, крепкая как сталь, рассыпалась в прах перед лицом одного лишь смазливового личика. Тот, кто всегда презирал этот день и не желал иметь с праздником ничего общего, так легко нарушил свой обет ради Ли Жуна?

Впрочем, не только Цэнь Сяо пал жертвой этого обаяния. Был еще Линь Цинь, который смотрел Ли Жуну в рот, Цзи Сяочуань, полная безграничной благодарности, и сам Цзянь Фу, который, как верный пес, с радостью выполнял любые поручения друга.

Цзянь Фу попытался воскресить в памяти образ прежнего Ли Жуна — холодного, заносчивого и неприступного — и, взглянув на нынешнего, вдруг подумал, что легенды об одержимости прекрасной Дацзи духом лисицы-оборотня возникли не на пустом месте.

Словно подбитый воздушный змей, Цзянь Фу понуро отлетел от стола и приземлился рядом с Линь Цинем. Он без лишних церемоний выхватил у того ручку и, тыча пальцем в тетрадь с упражнениями, обиженно прогнусавил:

— Пойдешь со мной вечером играть? Брата... панда... тьфу, этот лисёнок охмурил и увёл.

Линь Цинь прекрасно знал, что все эти нелепые прозвища Цзянь Фу придумывает исключительно для Ли Жуна. Но его симпатии всегда были на стороне последнего, поэтому он лишь сердито взглянул на друга:

— Не пойду я никуда. Мне учиться надо.

Цзянь Фу отчаянно нуждался в утешении, и кандидатура Линь Циня казалась ему самой подходящей. Он заискивающе придвинулся ближе, толкая того плечом:

— Там очень круто, честное слово! Тебе нужно отдыхать от этой зубрежки. Ну пойдем, а? Пойдем?

Линь Цинь лишь покачивался под его напором, но он уже привык к выходкам друга. Он просто закрыл глаза и расслабился, решив переждать, пока тот уgomонится. Ощувив отсутствие сопротивления, Цзянь Фу почувствовал себя так, словно навалился на охапку хлопка; сделав еще несколько попыток, он внезапно замер.

Линь Цинь, не открывая глаз, по инерции качнулся в его сторону, и его ухо нечаянно ткнулось прямо в подбородок Цзянь Фу.

В то же мгновение Линь Цинь рывком выпрямился и распахнул глаза. На его лице застыло странное, оцепенелое выражение. На коже еще сохранялось чужое тепло; то ли Цзянь Фу сегодня плохо побрился, то ли еще что, но Линь Цинь ощутил легкое покалывание и странный зуд.

Цзянь Фу тоже замер. Он неловко коснулся своего подбородка, и все мысли об играх мгновенно улетучились из его головы. Когда Линь Цинь оказался так близко, он почувствовал исходящий от него тонкий и необычный аромат кондиционера для белья.

«Неужели все будущие кинозвезды такие? — подумал он. — Так приятно пахнут и обладают таким кротким нравом»

<http://bllate.org/book/15351/1433497>